

DOI: 10.18503/1992-0431-2025-2-88-77–93

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ В ИСТОРИОГРАФИИ XX–XXI вв.

В.П. Орлов

Казанский (Приволжский) Федеральный университет, Казань, Россия

E-mail: vasilii_orlov_historian@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7451-3325

В статье рассматриваются основные историографические тенденции, отражающие ход изучения правовой системы Ахеменидской империи. Это концепции А.Т. Олмстеда о едином своде законов, введенном Дарием I, а также П. Фрея о т.н. механизме *Reichsautorisation* («имперского согласия»), с помощью которого центральная власть одобряла местные законодательные практики и традиции. Также рассматривается изучение правовой системы Ахеменидской державы в различных компендиумах и изданиях обобщающего и сводного характера. Делается вывод о том, что в настоящее время данная проблема не нашла обобщенного осмысления в науке. Это объясняется тем, что исследователи обычно ограничивают свои изыскания отдельными частями империи (в первую очередь Вавилонией), при этом не пытаясь предпринять попытку комплексного анализа в рамках уже сформировавшихся в науке о Древнем Ближнем Востоке ахеменидоведческих исследований (*Achaemenid studies*).

Ключевые слова: Ахемениды, Держава Ахеменидов, Персидская империя, правовая система, *Achaemenid studies*, *dāta*, *Reichsautorisation*

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы становления и функционирования правовых норм государств и народов Древнего Востока активно изучались и изучаются не только историками, но и юристами по всему миру. Законы шумерских городов-государств, свод Хаммурапи, среднеассирийские и хеттские законы не раз становились объектом пристального внимания со стороны исследователей и давно вошли в перечень текстов, обязательных для изучения на некоторых гуманитарных специальностях. Однако в данной статье речь пойдет о том, как изучались правовые реалии Ахеменидской империи, где подобного рода правовые своды найдены не были, что серьезно затрудняет работу исследователей, пытавшихся понять устройство правовой системы в столь обширной империи, и какую роль в этой системе играл Великий царь,

Данные об авторе. Василий Павлович Орлов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей и публичной истории Института международных отношений, истории и востоковедения КФУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 23-28-01562 «Правовая система Персидской империи Ахеменидов»).

сатрапы и другие представители новой персидской администрации, которая получила власть на значительной территории Африки и Евразии, где до этого на протяжении нескольких тысячелетий развивались крупные городские цивилизации, правовая мысль и происходила письменная фиксация законодательных норм, судебных процессов и других общественно-правовых реалий, возникающих между отдельными людьми, коллективами и государством.

В настоящее время не существует какой-либо обобщающей работы, посвященной правовой системе Ахеменидской империи, поэтому нами будет рассмотрено то, какое отражение нашла искомая проблематика в трудах отдельно взятых авторов из числа специалистов по истории ахеменидского Ирана и Ближнего Древнего Востока¹. В первую очередь речь пойдет об идее А.Т. Олмстеда о наличии в Ахеменидской державе единого свода законов наподобие того, что был найден в эпоху Хаммурапи, и о критике этой идеи со стороны как современников американского исследователя, так и в новейших работах. Именно данная идея долгое время была своеобразным камнем преткновения для тех, кто обращался к изучению особенностей устройства правовой системы в державе Ахеменидов. Кроме того, нужно будет остановиться на концепции П. Фрея о функционировании в Персидской империи так называемого принципа *Reichsautorisation*, который, по его мнению, позволял осмыслять и санкционировать аппаратом центральной власти правовые нормы и законодательные традиции завоеванных стран и народов. Затем мы обратимся к различным обобщающим трудам по типу компендиумов и сводных изданий, посвященных развитию правовой мысли на Древнем Ближнем Востоке в целом и Ахеменидской империи в частности, так как в подобных работах находят свое отражение промежуточные консенсусы между исследователями, демонстрирующие ход развития мысли по той или иной проблеме.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ИДЕЕ ЕДИНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СВОДА В АХЕМЕНИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Одной из ранних работ, посвященных законам в древней Персии, стала книга С. Бульсара, представляющая собой, по-видимому, первый полный перевод на английский язык сасанидского судебника «Книга тысячи судеб»².

¹ Соответственно мы намерено не будем учитывать различные небольшие работы, которые хоть и посвящены теме нашего рассмотрения, но носят сугубо компилятивный или справочный характер, не претендуя на формирование новых исследовательских интерпретаций. К такого рода материалам можно отнести статью П.А. Матвеева и С.В. Тарасова «История права персидской империи» (Матвеев, Тарасов 2013), где авторы в достаточно вольной манере обобщают сведения из отечественной и переводной зарубежной историографии, не претендуя на самостоятельный критический анализ источников или мнений исследователей. Схожим образом выстроена статья И.И. Аминова (Аминов 2020), посвященная развитию государственности в Центральной Азии времен Ахеменидов и содержащая краткое описание системы судопроизводства и особенностей судебно-правовой системы при Дарии I.

² Работа С. Бульсара (Bulsara 1937, 43) неоднократно критиковалась, и, как отмечала А.Г. Периханян, данный перевод не отвечает самым элементарным научным требованиям и справедливо игнорируется иранистами. (Периханян 1983, 27).

В этой работе исследователь лишь вскользь касается более древнего периода иранской истории, отмечая³, что еще со времен Ахеменидов в Иране применялись суровые наказания по отношению к судьям, которые нарушали принципы правосудия и допускали судебные ошибки. По-видимому, здесь идет намек на пассаж Геродота о суде Камбиза над Сисамном. Несмотря на тенденциозность и, как замечал М.М. Дьяконов, наивность комментариев, С. Бульсар закладывает идею сопоставления авестийского материала⁴ и древнеперсидского при изучении правовых реалий Ахеменидской державы⁵ как источника для формирования государственно-правовых норм.

Наиболее важный поворот в осмыслении правовой системы Ахеменидской Персии осуществил А.Т. Олмстед. В небольшой заметке 1935 г. о Дарии как законодателе он последовательно доказывает⁶ тезис о существовании во времена Ахеменидов законодательного свода, якобы созданного при Дарии I на основе месопотамского права и, в частности, текстов царя Хаммурапи. В дальнейшем А.Т. Олмстед разовьет эту идею в монографии 1948 г., заявив⁷, что Дарий I и его советники видели стелу с законами Хаммурапи⁸ и вдохновлялись ее текстом и иконографией при составлении нового общеимперского законодательного свода. С этой позицией согласится целый ряд ученых того времени. К примеру, У. Куликан считал, что Дарий I установил принцип господства права, в основе которого лежит кодификация Вавилонского прецедентного законодательства⁹. В советской историографии похожую точку зрения высказывал М.М. Дьяконов. Ссылаясь на В.В. Струве, он не исключал, что для контроля над обширными территориями Ахемениды могли ввести новое законодательство¹⁰. Однако сам В.В. Струве не

³ Bulsara 1937, 43.

⁴ Судя по всему, эта идея вдохновила исследователя из Таджикистана А.Г. Халикова на проведение исследования, в рамках которого он предпринял попытку доказать существование у иранских народов в древности своей отдельной зороастрийской правовой семьи (Халиков 2004, 4), которая просуществовала до прихода ислама. Эта концепция в дальнейшем вдохновит целую плеяду исследователей из Таджикистана, которые по настоящее время ведут свои изыскания в области древнеиранских правовых реалий. В данную работу эти исследования не включены, так как их первичный анализ показал необходимость рассмотреть этот историографический феномен отдельно, что будет сделано в будущем.

⁵ Из современных исследователей в этом же ключе можно отметить работу П.О. Шерве, где исследователь на основе сравнения авестийских, древнеперсидских и сасанидских текстов любопытным образом выделяет порядок трех символических действий, которые монарху как блюстителю закона и справедливости необходимо предпринять по отношению к лжецу или нарушителю закона: он должен его «схватить» (*garbāya-*), «связать» (*basta*) и «привести» (*ā-paaya-*) туда, где над преступником будет совершено правосудие. Подробнее см.: Skjærvø 2005, 52–84.

⁶ Olmstead 1935, 247–249.

⁷ Olmstead 1948, 127–128.

⁸ Мы сознательно не называем законы Хаммурапи кодексом, руководствуясь здесь блестящими замечаниями И.М. Дьяконова, озвученными в 1952 г. на страницах «Вестника древней истории». Согласно И.М. Дьяконову, кодекс должен удовлетворять двум условиям: он должен регулировать только одну отрасль права, а также отменять предыдущие законодательные акты (по силе действия). См.: Дьяконов 1952, 204–205. Спустя почти 50 лет эти же два пункта обозначит Р. Вестбрук, доказывая, что законы Хаммурапи – это не кодекс, а судебник, который не может претендовать на некий универсальный юридический характер в силу того, что, по его мнению, в Месопотамии ещё не было правоведов (или скорее юристов) как отдельной профессиональной группы. Подробнее см.: Westbrook 2000, 33–47.

⁹ Culican 1965, 169–170.

высказывался по этой проблеме, а только напоминал о законодательной деятельности Дария I, опираясь при этом в основном на античные, а не на древневосточные источники¹¹.

Критика позиции А.Т. Олмстеда появилась далеко не сразу. На неубедительность выводов американского исследователя начали активно указывать примерно с 1980-х гг. По вполне резонному замечанию Дж.М. Кук, фраза Дария I из Бехистунской надписи о почитании странами его закона (*tyanā tanā dātā apariyāya* – DB I.23) не является убедительным аргументом, доказывающим интенции новоиспеченного монарха по созданию и внедрению на территории всей империи некоего единого свода законов¹². Британский исследователь полагал, что законы Хаммурапи, с которыми А.Т. Олмстед сравнивает т.н. кодекс Дария, не имеют свидетельств реального использования в правоприменительной практике¹³, однако теперь известно, что это не так¹⁴. Куда больший вопрос вызывает уникальность и конечность свода Хаммурапи как законодательного памятника древности от имени конкретного царя¹⁵. Безусловно, в нашем распоряжении имеются более поздние законодательные своды, доставшиеся нам от хеттов и ассирийцев, но ни в одном из них не фигурируют имена конкретных составителей из числа царей. Также возникает вопрос, почему нечто подобное законам Хаммурапи не создали цари Элама, у которых стела с текстом аморейского правителя была действительно перед глазами после ее захвата царем Шутрук-Наххунте I в XII в. до н.э.? По-видимому, в подобной форме кодификации законов уже в эпоху осевого времени¹⁶ не нуждались ни эламиты, ни ассирийцы¹⁷, ни персы и уж тем более египтяне¹⁸, чья правовая культура развивалась вполне самобытно¹⁹ и, похоже, не испытала столь ощутимого влияния клинописной законодательной традиции, как культуры народов Передней Азии.

¹¹ Струве 1952, 43–44.

¹² Cook 1983, 72–73.

¹³ Cook 1983, 72–73.

¹⁴ Шарпен 2013, 269–270.

¹⁵ В.А. Якобсон отмечал, что «Законы Хаммурапи – первый в истории человечества чисто законодательный памятник, т. е. начало писаного права». Подробнее см.: Якобсон 1981, 18.

¹⁶ Подробнее о произошедших изменениях в сознании людей древности I тыс. до н.э. см.: Дьяконов, Якобсон 1998, 22–30.

¹⁷ Возможно, среднеассирийский свод законов был в ходу и в I тыс. до н.э.

¹⁸ Хотя и полноценный свод египетских законов не найден, исследователи считают его существование вполне реальным, в том числе в эпоху персидского владычества. Такое мнение можно встретить в следующих работах: Редер 1976, 280; Эдаков 1988, 113. При этом уже Е.А. Кокина называет «Демотический правовой свод», изучением которого занимался А.В. Эдаков, единственным известным сводом законов (Кокина 2014, 186).

¹⁹ И.М. Лурье считал, что законодательные памятники древнего Египта имеют внешние стилистические сходства с теми же статьями из законов Хаммурапи, но, по его словам, «основные положения древнеегипетского права, зародившиеся при появлении имущественного неравенства, классов и государства, должны быть самобытными». Подробнее см.: Лурье 1960, 123–125.

С другой стороны, возможно, эти народы в отличие от жителей Южной Месопотамии не успели поэтапно пройти процесс оформления привычного нам писаного права в виде законодательных сводов, становление которых, как писал В.А. Якобсон, «генетически связано с более древним жанром – царской надписью»²⁰. Здесь, на наш взгляд, уместно вовсе поставить большой исследовательский вопрос о формировании правовой культуры и правового сознания народов древности, исходя из их имманентных особенностей, определяющих представления о праве и справедливости. Безусловно, решение данного вопроса – дело серьезного исследования будущего. По поводу же истоков древнеперсидской правовой культуры следует привести мнение Р. Фрая, согласно которому ахеменидское законодательство могло восходить к родовым или племенным установкам еще времен арийской общности²¹. То есть речь идет о том, что в основе персидской правовой мысли однозначно лежали понятия, присущие индоиранским общностям, например, термины *arta*²² и *rasta*²³, обозначающие порядок и правильность соответственно.

Но вернемся к идее А.Т. Олмстеда. Даже при банальной постановке указанных выше вопросов его теория видится не слишком состоятельной, хотя и опирается на историко-филологический метод при сравнении надписей Дария I и текста законов Хаммурапи. Впрочем, критику данной позиции высказывали и другие исследователи. Так, М.А. Дандамаев и В.Г. Луконин, комментируя аккадское выражение *dātu ša šarri*²⁴ («Закон царя»), полагали, что под ним подразумевается «общий правовой порядок, установленный Ахеменидами, а не единый общегосударственный кодекс законов»²⁵. При этом исследователи не отрицали проведение Дарием I интенсивной работы по кодификации законов покоренных народов²⁶. Отметим, что взгляды М.А. Дандамаева по поводу интерпретации выражения *dātu ša šarri* не сильно изменились спустя десятилетия. Так, в 2013 г. под его авторством была издана монография «Ахеменидская империя. Социально-административное устройство и культурные достижения», где есть раздел «Правовые системы»²⁷, посвященный ахеменидским правовым реалиям. Книга представляет собой переработку совместной с В.Г. Лукониным классической советской монографии «Культура и экономика древнего Ирана», где был аналогичный раздел, на который мы ссылались ранее. В переизданной работе в данном разделе практически не было добавлено ничего нового. Исследователь, с одной стороны, кратко касается основных проблем правовой системы Ахеменидов (значение терминов *dāta*, *dātabara*, анализ механизмов судебного регулирования общественной жизни), а с другой – описывает основные особенности правовых реалий Ирана, Вавилонии, Египта, отдельно – иудеев Элефантины и очень кратко – финикийских городов. Безусловно, отсутствие значимых дополнений, с одной

²⁰ Якобсон 1981, 18.

²¹ Фрай 2002, 147–149.

²² Бенвенист 1995, 300.

²³ Бенвенист 1995, 252.

²⁴ Подробнее о выражении *dātu ša šarri* см.: Kleber 2010, 49–75.

²⁵ Дандамаев, Луконин 1980, 128. Дандамаев, Луконин 1980, 128.

²⁶ Дандамаев, Луконин 1980, 128.

²⁷ Дандамаев 2013, 74–87.

стороны, связано с тем, что это очень фундированный с историографической и источниковедческой точек зрения обзор правовых систем Ахеменидской державы, а с другой – с тем, что каких-то фундаментальных исследований по данной проблематике за три десятилетия так не было сделано.

Возвращаясь к анализу «закона царя», отметим мнение Дж. Макгинниса. По его словам, под *dātu ša šarri* могут подразумеваться постановления царя, которые, в частности, дополняли законодательство покоренных народов нормами прецедентного права, имеющего специфику для каждой отдельно взятой сатрапии, и имели локальный характер применения²⁸. К похожим выводам приходит и Э.В. Рунг в ходе анализа ахеменидских царских надписей Дария I и Ксеркса I, говоря о том, что в Персидской державе средствами социально-политического и экономического регулирования, наряду с местными политико-правовыми традициями, были еще царские распоряжения, исходившие от самого царя и его канцелярии²⁹. Он делит эти царские распоряжения на три группы: царские указы, царские приказы и прокламации³⁰. Под царскими указами он понимает, к примеру, указ Дария I о казни вавилонского мятежника Арахи или его же указ о постройке канала в Египте; под приказами – устные или письменные распоряжения Дария I своим командирам, подавлявшим восстания.

Тут стоит отметить, что выделение Э.В. Рунгом указов и приказов как отдельных видов царских распоряжений убедительно подтверждается на египетском материале. К примеру, на наофорной статуе Уджахорреснета содержится сразу несколько приказов, которые египетский чиновник получил от Дария I, в том числе приказ вернуться в Египет³¹. А в качестве царского указа можно вполне идентифицировать распоряжение Камбиса II о сокращении финансирования египетских храмов³². Также в этом контексте интересен вавилонский материал, рассмотренный в статье уже упомянутого Дж. Макгинниса. Автор анализирует две таблички, и в каждой из них упоминаются постановления Дария I по поводу судебных споров. В частности, одна из тяжб была между храмовыми администраторами и персидской аристократией, где Дарий ожидаемо встал на сторону последних³³. Что касается прокламации, то она содержится в Антидэвовской надписи Ксеркса I и выражена имперфектом *patiyazbayam*, который является гапаксом³⁴ в корпусе древнеперсидских текстов и, по мнению К. Таплина, может иметь особые коннотации³⁵. В любом случае, на наш взгляд, элементы прокламации можно найти не только в Антидэвовской надписи Ксеркса I, но и в Бехистунской надписи Дария I, где он просит защитить представителей знатных родов (DB. IV, 80–86), что, по сути, является письменной фиксацией их протекции со стороны Великого царя и имеет юридический статус, так как монарх однозначно является источником права. Говоря о протекции по отношению к

²⁸ MacGinnis 2008, 97.

²⁹ Рунг 2024, 27.

³⁰ Рунг 2024, 43–44.

³¹ Posener 1936, 21.

³² Agut-Labordère 2006, 353–358.

³³ MacGinnis 2008, 97.

³⁴ Хотя были идеи о том, что слово *patiyazbayam* может встречаться в недавно найденной Фанагорийской надписи. Подробнее см.: Shavarebi 2019, 10.

³⁵ Tuplin 2017, 98.

персидской элите, уместно вспомнить статью Д. Бекмана, в которой рассматриваются механизмы помилования персидских аристократов, замешанных в мятеже против центральной власти. Автор приходит к выводу о том, что для знатных особ существовал исключительный порядок вынесения приговора, который учитывал родственные связи с царем, социальный статус мятежника, а также политическую целесообразность его физического устранения или, наоборот, помилования³⁶. По мнению Д. Бекмана, нередко вынесенные решения по таким политическим делам, в которых была замешана ахеменидская элита, противоречили принципам правосудия и понятиям о справедливости, нашедшим отражение в царских надписях и других источниках, содержащих законодательные нормы³⁷.

Идеи А.Т. Олмстеда также критиковал О. Буччи, который является правоведом и автором ряда знаковых и оригинальных работ по истории права древнего Ирана³⁸. Согласно рассуждениям итальянского исследователя, введение подобного писаного кодекса стало бы своеобразным самоограничением монарха, выступавшего источником непрерывно действовавших законодательных актов³⁹. О. Буччи также посредством латинских юридических понятий описывает правовую систему Ахеменидов как *jus commune Persarum* («Персидское общее право»), подразумевая под этим *dāta* и характеризуя как право, основанное на персидском понятии о справедливости (*Arta*), а также формирующегося посредством активного и непосредственного вмешательства персидского царя в процесс легитимации и протекции законодательных норм покоренных народов⁴⁰. Любопытным также выглядит определение О. Буччи для сатрапии. Для него сатрапия – это административно-юридическая единица («юридическое лицо» или «субъект права» – *è un'entità giuridica*) в форме посредника между центральным аппаратом империи и более мелкими административными единицами⁴¹ среди которых могут быть полисы, конфедерации городов, различные общины и другие виды политий, имеющие свои правовые практики и законодательные традиции. Здесь уместно вспомнить замечание М.А. Дандамаева, сделанное на основе анализа месопотамского материала. Он указывал, что при Дарии I высшая судебная власть в стране находилась у сатрапа, а решения по наиболее важным делам выносились царскими судьями⁴². При этом «многовековая борьба между царским судом и народными собраниями вавилонских городов при Ахеменидах окончилась поражением народных собраний, и теперь только имущественные споры и преступления местного масштаба оставались в их юрисдикции»⁴³. Таким образом, получается, что сатрап не просто посредник, как указывает О. Буччи, а все же представитель царской администрации, имеющий куда более широкий спектр полномочий⁴⁴.

³⁶ Beckman 2020, 127–151.

³⁷ Beckman 2020, 127.

³⁸ Bucci 1972, 157–172; 1975, 11–25; 1978, 11–93.

³⁹ Bucci 1983, 112.

⁴⁰ Bucci 1983, 101–116.

⁴¹ Bucci 1983, 92–96.

⁴² Дандамаев 2004, 110.

⁴³ Дандамаев 2004, 110.

⁴⁴ Однако следует отметить, что на примере анализа материала из Ниппура времен Ахеменидов М.А. Дандамаев приходит к следующему выводу: «термин обозначал чиновников различных рангов, начиная с наместников крупных стран и кончая старшинами государственных служащих низших рангов». Подробнее см.: Дандамаев М.А. 2009, 88.

Судя по всему, идеями О. Буччи о *jus commune Persarum* вдохновился П. Фрей. На основе достаточно глубокого анализа ветхозаветных текстов⁴⁵, малоазийского материала и ряда других источников он вводит понятие *Reichsautorisation* (т.н. «имперское согласие»⁴⁶). Под ним исследователь понимает механизм инкорпорации в общеимперскую правовую систему актуальных для низовых органов власти местных законодательных норм, которые в итоге могут стать обязательными для всех подданных той или иной административной единицы⁴⁷. Таким образом, получается, что персидский закон (*dāta*) учитывал множество правовых норм и судебных прецедентов подчиненных народов, которые после изучения со стороны Великого царя и его канцелярии оценивались для дальнейшего получения разрешения стать юридической нормой, имеющей более высокий и строгий статус на конкретной территории. Эта территория могла ограничиваться как целой сатрапией, так и только городом. Подобная интерпретация *dāta* наряду с концепцией *Reichsautorisation* нашла отражение в Оксфордском руководстве о библейском праве, в котором говорится, что при персах не было единого свода законов, а деятельность царей по упорядочиванию и «кодификации» законодательных норм различных народов была направлена на получение лояльности со стороны элиты этих народов⁴⁸.

Идея П. Фрея подверглась серьезной критике со стороны многих исследователей⁴⁹, полагающих, что все вмешательства царя зачастую носили сугубо прагматический характер и касались только фискальных и административных вопросов, но никогда не учитывали проблем частного права. Одним из заметных критиков П. Фрея до недавнего времени выступал Й. Визихефер, однако в своей книге 2022 г. он вновь посвящает рассмотрению концепции *Reichsautorisation* небольшой раздел, в начале которого хотя и заявляет о несогласии с ней, но уже в гораздо менее категоричной форме⁵⁰. В любом случае теория П. Фрея о механизме формирования новой законодательной культуры на Древнем Востоке в эпоху Ахеменидской державы остается, пожалуй, с одной стороны, наиболее резонансной, а с другой – достаточно хорошо разработанной, чтобы продолжать ее учитывать исследователями при анализе данной проблематики.

Отрицательное отношение к идее существования некоего общего для всей империи царского свода законов высказывает и П. Бриан. По его мнению, термин *dāta* в Бехистунской надписи отражает политико-религиозную идеологию, а не аспекты юридической организации империи⁵¹. С утверждениями П. Бриана согла-

⁴⁵ Справедливости ради отметим, что работе П. Фрея предшествовала важная диссертация Л.В. Хенсли, посвященная выявлению официальных персидских документов в книге Ездры, но в ней практически не поднимается проблематика персидского законодательства. Подробнее см.: Hensley, 1977.

⁴⁶ Заметим, что эту теорию в 2007 году К. Шмидт называет одной из наиболее значимых для исследователей Ветхого завета за последние 20 лет. В его же работе дается обстоятельный разбор того, как идеи П. Фрея были изначально не поняты многими иранистами и вызвали необоснованную критику. Подробнее см.: Schmid 2007, 22–38.

⁴⁷ Повторно П. Фрей публиковал свою уже переработанную работу 1984 г. с учетом критики в 1996 г. Подробнее см.: Frei, Koch 1996.

⁴⁸ Botta, Brandon 2019, 362–363.

⁴⁹ Kleber 2010, 51.

⁵⁰ Wiesehöfer 2022, 217.

⁵¹ Briant 2002, 510–511.

шается Л. Ллевеллин-Джонс, отмечая, что соблюдение *dāta* выражает в первую очередь лояльность Великому царю, а сам термин используется для обозначения как божественного, так и царского закона⁵². Правда, относительно наличия или отсутствия единого законодательного свода исследователь не высказывает четкой позиции. В отличие, к примеру, от А.В. Эдакова, полагавшего, что положения текста DNb были повторены и возведены в ранг государственного закона (*dāta*) в правление Ксеркса I⁵³. По его утверждению, Накш-и Рустамская надпись Ксеркса (XDNb) является программным документом, содержащим «государственный закон всей державы Ахеменидов»⁵⁴. К. Таплин в своей достаточно пространной статье с размышлениями о правовом устройстве Ахеменидской державы считает, что термин *dāta* отражает изменения юридических норм в связи с наступлением персидского господства, которые отныне должны учитывать участники различных судебных процессов и договорных отношений⁵⁵. К проблеме интерпретации термина *dāta* обращается и Э.В. Рунг. Он сравнивает его с идеологическим концептом «порядка», метафорически выраженного словом *gādu*-⁵⁶, приходя к выводу о том, что «важной характеристикой “порядка”, обозначенного через метафору *gādu*-, было установление и поддержание законности, выраженной словом *dāta*-, которая мыслилась как соблюдение принципов справедливости, завещанных Дарию непосредственно Ахурамаздой»⁵⁷. В этом же исследовании говорится, что религия в Персии является непосредственным источником права, а понятие *dāta* не только используется в судебно-административной сфере, но и «отражает религиозные и политико-идеологические представления Ахеменидов, в том числе, и связанные с восприятием ими идеи справедливости»⁵⁸.

Возможно, поэтому термин *dāta* в какой-то момент ахеменидской истории становится непереводаемым, а входит в письменную традицию других древних языков, не имевших адекватного аналога для перевода столь специфического абстрактного понятия, под которым, по мнению авторов, подразумевался общий правовой порядок, «восстановление и поддержание которого мыслилось как “возвращение на прежнее место” и “пребывание на месте”»⁵⁹. Таким образом, можно констатировать по большей части несогласие большинства современных исследователей с идеей А.Т. Олмстеда о наличии в Ахеменидской империи некоего единого свода законов, обозначенного при помощи термина *dāta*.

⁵² Llewellyn-Jones 2022, 139.

⁵³ Эдаков 2008, 10.

⁵⁴ Эдаков 1979, 113–114.

⁵⁵ Tuplin 2015, 86–87.

⁵⁶ Исакова, Рунг 2023, 45–59.

⁵⁷ Исакова, Рунг 2023, 56.

⁵⁸ Исакова, Рунг 2023, 55.

⁵⁹ Исакова, Рунг 2023, 54.

ОТРАЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ АХЕМЕНИДОВ В ИЗДАНИЯХ СПРАВОЧНОГО И СВОДНОГО ХАРАКТЕРА

Далее в рамках анализа историографических тенденций резонно подробнее остановиться на мнениях, озвученных по поводу древнеперсидского законодательства в некоторых изданиях справочного⁶⁰ и сводного характера, так как они нередко отражают развитие мнений исследователей по той или иной научной проблеме на определенном этапе развития науки. Так, во втором томе «Кембриджской истории Ирана» о законах Персидской державы вскользь пишет Дж.М. Кук, который уже тогда однозначно утверждает, что Дарий I не создавал никакого свода законов ни для персов, ни для Персидской империи, но был заинтересован в некоем упорядочивании правовых норм покоренных народов⁶¹. В свою очередь, в энциклопедии *Iranica* говорится, что при Ахеменидах на территории империи имела место преемственность с предшествующими древними правовыми традициями, но с введением ряда инноваций, среди которых наиболее важные следующие: достижения в области административного права⁶², выраженные в более глубокой дифференциации полномочий царских и храмовых чиновников; усложнение правового регулирования экономических отношений; улучшение правового положения женщин⁶³. В «Кембриджской истории Древнего Мира» сказано, что, с одной стороны, под термином *dāta* мог подразумеваться свод законов, утверждающий процессуальную основу, которая регулирует поведение судей и механизм подачи судебных исков, либо, с другой, это мог быть лишь некий царский эдикт (*dictum*, авторитетное заявление, наделенное силой предписания)⁶⁴. При этом в целом высказываются сомнения по поводу того, что Дарий I мог ввести в действие новый свод имперского персидского права, который должен был функционировать параллельно с традиционными правовыми системами и судебными практиками покоренных народов⁶⁵. Аналогичная точка зрения озвучивается у Ш. Шахбази. Он полагает, что все народы империи в целом жили по своим законам, но с учетом царских указов и кодификаций⁶⁶. Схожая позиция отражена в вышедшем в 2021 г. объемном компендиуме по истории Ахеменидской империи. В очерке Р. Пирнгрубер резюмирует⁶⁷, что современные исследователи в большинстве своем отвергли идею А.Т. Олмстеда о наличии в Ахеменидской империи единого царского

⁶⁰ Необходимо оговориться о том, что в 1975 году под редакцией Дж. Д. Пирсона вышел справочник, в котором выдающимися иранистами того времени были собраны библиографические сведения о научных работах, посвященных истории Ирана доисламского периода. В данном издании имеется раздел «Право», где размещены статьи в основном о Сасанидском Иране. Что касается работ про Ахеменидский период, то они нам, к сожалению, остались недоступны. Однако их объем и названия свидетельствуют о том, что искомые материалы в основном были посвящены месопотамским источникам времен Ахеменидов. Подробнее см.: Pearson 1975, 146–149.

⁶¹ Cook 1985, 221.

⁶² Речь идет, по сути, об утверждении того, что при Ахеменидах административное право впервые в истории Древнего Востока формируется как самостоятельная отрасль права.

⁶³ Magdalene 2011, 174–177.

⁶⁴ Кайлер Янг-мл 2011, 122.

⁶⁵ Кайлер Янг-мл 2011, 123.

⁶⁶ Shahbazi 2102, 134–135.

⁶⁷ Pirngruber 2021, 1088.

свода законов, но значение термина *dāta* продолжает вызывать дискуссии. Говоря о термине *dāta*, он выводит две основные не взаимоисключающие друг друга интерпретации: *dāta* как своеобразный базовый всеобщий принцип, который поддерживает земной и космический порядок, и *dāta* как конкретные предписания и указы Великого царя⁶⁸. При этом с историографической точки зрения опус Р. Пирнгрубера сформирован по лекалам, использованным еще М.А. Дандамаевым и В.Г. Лукониным. Речь идет о том, что исследователи в целом достаточно мало говорят непосредственно о древнеперсидских источниках, а выводят свои умозаключения, в первую очередь, из анализа вавилонских юридических текстов ахеменидского периода⁶⁹, что, безусловно, несет негативные издержки ввиду экстраполяции и обобщения выводов, полученных на выборочном источниковом материале. Такая же тенденция наблюдается в справочнике по праву на Древнем Ближнем Востоке, где вовсе нет отдельного раздела, посвященного правовой системе древних иранских народов, в целом, и Ахеменидской державе, в частности. При этом проблема интерпретации термина *dāta* рассматривается вскользь в разделе, посвященном Месопотамии в Нововавилонский период⁷⁰.

В «Оксфордской истории Древнего Ближнего Востока» 2023 г. не нашлось места для хотя бы краткого рассмотрения законодательной системы времен Ахеменидов. Авторы лишь ограничились упоминанием того, что при Кире Великом в источниках появились чиновники, обозначенные термином *dātabāra*, а их главная задача заключалась в соблюдении «царского закона» (*dāta ša šarri*⁷¹).

Похожая ситуация, кстати, наблюдается и в отечественных обобщающих работах, посвященных правовым учениям различных эпох, в том числе Древнего Востока. Зачастую Ирану времен Ахеменидов посвящается несколько абзацев⁷² или же он не упоминается вовсе⁷³. Своеобразным исключением является академический курс по истории политических и правовых учений Древнего Востока С.Ф. Ударцева, в котором политико-правовым учениям и мифам Древнего Ирана отводится целый параграф, однако в нем идет речь об изложении правопонимания и политико-правовых идей в авестийских текстах⁷⁴.

В завершение этого обзора стоит выделить мнение Э.А. Грантовского, озвученное в важном для отечественного востоковедения о древности обобщающем сборнике «Государство на Древнем Востоке», где он пишет о том, что ахеменидские цари декларировали верность «божественному и земному “закону” (*dāta*)»⁷⁵, а также пытались распространить общие нормы судопроизводства и, собственно,

⁶⁸ Mitchell 2015, 363–380.

⁶⁹ Безусловно, это объясняется скудностью источниковой базы. Как отмечала А.Г. Периханян, из Ирана ахеменидского времени нам неизвестен ни один судебный или юридический документ, поэтому мы не знаем, на каких принципах строилась организация иранских судов. (Периханян 1983, 264).

⁷⁰ Oelsner, Wells, Wunsch 2003, 912–913, 915–916, 961.

⁷¹ Heller 2023, 673.

⁷² Нересянц 2004, 21; Графский 2022, 114–116.

⁷³ Рассолов 210.

⁷⁴ Ударцев 2007, 129–141.

⁷⁵ Грантовский 2004, 43.

dāta на территории всей империи. Он подчеркивает, что Ахемениды имели множество предшественников в лице различных царей в «сфере, направленной на упрочение и последовательное применение норм права, закона и единого судопроизводства, а в дальнейшем уже по следам иранского права следовало римское право, и, таким образом, ахеменидская эпоха сыграла большую роль в распространении единых правовых норм на обширных территориях Ближнего Востока». То есть Э.А. Грантовский говорил о том, что ахеменидские правовые практики в дальнейшем были восприняты в эпоху развитой Античности и, следовательно, имели глобальные последствия для развития правовой мысли всего человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом же из всего вышесказанного следует, что вопрос о правовой системе в державе Ахеменидов на данный момент не получил какой бы то ни было попытки подытоживающего осмысления как в работах отдельно взятых исследователей, так и в трудах обобщающего характера, где данная тематика рассматривается крайне фрагментарно или не рассматривается вовсе. Это связано не только с недостаточной изученностью правовой проблематики в отличие, например, от тем, связанных с экономикой, религией, политической сферой и культурными достижениями Ахеменидской державы, но и с тем, что в исторической науке о Древнем Ближнем Востоке совсем недавно окончательно оформилось такое понятие как ахеменидоведческие исследования (*Achaemenid Studies*)⁷⁶, в рамках которых Держава Ахеменидов рассматривается как целостное историко-культурное пространство, которое нужно изучать в совокупности всех ее составных частей, используя междисциплинарные подходы и избегая не только эвристически ограниченного европоцентризма, но и своеобразного эллиноцентризма, который в настоящее время нельзя оправдать отсутствием аутентичных древневосточных источников времен господства персов на Древнем Востоке. Теперь в нашем распоряжении есть огромное количество различных письменных и археологических свидетельств с непосредственной территорией Персидской державы, позволяющих не только перепроверить свидетельства античных авторов, но и существенно их дополнить, а зачастую и вовсе опровергнуть.

Таким образом, исследователям еще только предстоит досконально изучить феномен правовой системы Ахеменидской империи во всей его сложности и многообразии, учитывая, что на самом деле на этом поприще уже сделано многое. Во-первых, в целом можно говорить об опровержении теории А.Т. Олмстеда о наличии в Ахеменидской державе единого свода законов, скорее всего речь идет именно о неких отдельных указах и приказах персидских царей, регулировавших правовое поле всей империи. Во-вторых, на наш взгляд, иранистам нужно все-таки пересмотреть в позитивную сторону идею П. Фрея о концепции *Reichsautorisation*, так как она, пожалуй, видится перспективной и требует переосмысления на более обширном источниковом материале и может использоваться в качестве теоретической основы для дальнейшего изучения правовой системы

⁷⁶ Подробнее см.: Degen, Manning 2021, 1575–77.

Ахеменидской державы. Принимая во внимание эти положения, крайне важно при исследовании данной проблематики дополнительно учитывать религиозно-этические аспекты древних иранских общностей, которые, безусловно инспирированы как минимум маздеизмом, а как максимум – протозороастризмом, которые имеют ощутимо иные нравственные основания, чем большая часть древних политеистических религий классического Востока I тысячелетия до н.э.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Agut-Labordère, D. 2009–2010: Darius législateur et les sages de l'Égypte: un addendum au Livre des Ordonnances. In: J.C. Moreno Garcia (ed.), *Élites et pouvoir en Égypte Ancienne. (Cahiers de recherches de l'Institut de papyrologie et égyptologie de Lille 28)*. Lille, 353–358.
- Aminov, I.I. 2020: Razvitie gosudarstvennosti v Tsentral'noj Azii v akhemenidskij period (VI–IV vv. do n.e.) [Development of Statehood in Central Asia during the Achaemenid Period (6th–4th cc. BC)]. *Lex russica* 73(5), 73–82.
- Аминов, И.И. 2020: Развитие государственности в Центральной Азии в ахеменидский период (VI–IV вв. до н.э.). *Lex russica* 73(5), 73–82.
- Beckman, D. 2020: Law, Mercy, and Reconciliation in the Achaemenid Empire, *Journal of Ancient History* 8.2, 127–151.
- Benvenist, E. 1995: *Slovar' indoevropskikh sotsialnykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms] Moscow.
- Бенвенист, Э. 1995: *Словарь индоевропейских социальных терминов* М.
- Botta, A.F., Brandon, J.S., 2019: Law in the Persian Period. In: P. Barmash (ed.), *The Oxford Handbook of Biblical Law* Oxford, 353–364.
- Briant, P. 2002: *From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire*. Winona Lake.
- Bucci, O. 1972: Giustizia e Legge nel diritto persiano antico, *Apollinaris* XLV, 157–172.
- Bucci, O. 1975: Elementi processuali nell'antico diritto iranico, *Revue Internationale des Droits de l'Antiquité* 22, 11–25.
- Bucci, O. 1983: L'Impero achemenide come ordinamento giuridico sovranazionale e arte come principio ispiratore di uno «jus commune Persarum» (data). *Forme di Contatto e Processi di Trasformazione nelle Società antiche. Atti del Convegno di Cortona (24-30 maggio 1981)*, Pisa–Roma, 89–122.
- Bucci, O. L'attività legislativa del sovrano achemenide e gli Archivi reali persiani, *RIDA* 3/25, 11–93.
- Bulsara, S.J. 1937: *The Laws of the Ancient Persians*. Bombay.
- Cook, J.M. 1983: *The Persian Empire*. London.
- Cook, J.M. 1985: The Rise of the Achaemenids and Establishment of Their Empire. In: I. Gershevitch (ed.), *The Cambridge History of Iran*. Vol. 2. *The Median and Achaemenian Periods*. Cambridge, 200–291.
- Culican, W. 1965: *The Medes and the Persians*. London.
- Dandamaev, M.A. 2004: Mesopotamiya v akhemenidskij period: simbioz tysyacheletnikh i novykh gosudarstvennykh institutov [Mesopotamia in the Achaemenid Period: a Symbiosis of Millennial and New State Institutions] In: E.A. Grantovskiy, T.V. Stepugina (eds.), *Gosudarstvo na Drevnem Vostoke* [State in the Ancient East]. Moscow, 104–123.
- Дандамаев, М.А. 2004: Месопотамия в ахеменидский период: симбиоз тысячелетних и новых государственных институтов. В сб.: Э.А. Грантовский, Т.В. Степугина (отв. ред.), *Государство на Древнем Востоке*. М., 104–123.

- Dandamaev, M.A. 2009: *Mesopotamiya i Iran v VII–IV vv. do n. e.: Sotsial'nye instituty i ideologiya* [Mesopotamia and Iran in the 7th–4th cc. BC: Social Structure and Ideology]. St. Petersburg.
- Дандамаев, М.А. 2009: *Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э.: Социальные институты и идеология*. СПб.
- Dandamaev, M.A. Lukonin, V.G. 1980: *Kul'tura i ekonomika Drevnego Irana* [Culture and Economy of Ancient Iran]. Moscow.
- Дандамаев, М.А. Луконин, В.Г. 1980: *Культура и экономика Древнего Ирана*. М.
- Degen, J., Manning, S. 2021: Western Europe. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *A companion to the Achaemenid Persian Empire*. 2 vols. Hoboken, 1563–1608.
- Dyakonov, I.M. 1952: Zakony Vavilonii, Assirii i Khettskogo Tsarstva [Laws of Babylonia, Assyria and the Hittite Kingdom] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 199–210.
- Дьяконов, И.М. 1952: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства. *ВДИ* 3, 199–210.
- Dyakonov, I.M., Yakobson, V.A. 1998: Grazhdanskoe obshchestvo v drevnosti [Civil Society in Antiquity]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 22–30.
- Дьяконов, И.М., Якобсон, В.А. 1998: Гражданское общество в древности. *ВДИ* 1, 22–30.
- Dyakonov, M.M. 1961: *Ocherk istorii Drevnego Irana*. [Essay on the History of Ancient Iran]. Moscow.
- Дьяконов, М.М. 1961: *Очерк истории Древнего Ирана*. М.
- Edakov, A.V. 1979: Novye nakhodki nadpisey Akhemenidov [Recently Discovered Achaemenid Inscriptions]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 104–114.
- Эдаков, А.В. 1979: Новые находки надписей Ахеменидов. *ВДИ* 3, 104–114.
- Edakov, A.V. 1988: Reformy Amasisa i ikh sud'ba v pozdnesaisskoe vremya [Amasis' Reforms and Their Fate in the Late Saissian Era]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 112–126.
- Эдаков, А.В. 1988: Реформы Амасиса и их судьба в позднесаисское время. *ВДИ* 1, 112–126.
- Edakov, A.V. 2008: *Obshchestvo i gosudarstvo Drevnego Egipta VII–IV vv. do n.e. (politicheskaya struktura, problemy ekonomiki i sotsial'naya organizatsiya obshchestva)* [Society and State of Ancient Egypt 7th–4th cc. BC (Political Structure, Economic Problems and Social Organization of Society)]. PhD Thesis. Moscow.
- Эдаков, А.В. 2008: *Общество и государство Древнего Египта VII–IV вв. до н.э. (политическая структура, проблемы экономики и социальная организация общества)*. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М.
- Fraj, R. 2002: *Nasledie Irana*. [The Heritage of Iran]. Moscow.
- Фрай, Р. 2002: *Наследие Ирана*. М.
- Frei, P., Koch K., 1996: *Reichsidee und Reichsorganisation im Perserreich. Zweite, bearbeitete und stark erweiterte Auflage*. Freiburg.
- Grafskiy, V.G. 2022: *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow.
- Графский, В.Г. 2022: *История политических и правовых учений*. М.
- Grantovskiy, E.A. 2004: Gosudarstvo i obshchestvo v stranakh Drevnego Vostoka [State and Society in the Countries of the Ancient East] In: E.A. Grantovskiy, T.V. Stepugina (eds.), *Gosudarstvo na Drevnem Vostoke* [State in the Ancient East]. Moscow, 6–56.
- Грантовский, Э.А. 2004: Государство и общество в странах Древнего Востока. В сб.: Э.А. Грантовский, Т.В. Степугина (отв. ред.), *Государство на Древнем Востоке*. М., 6–56.

- Heller, A. 2023: The Satrapies of the Persian Empire: Babylonia and Assyria. In: K. Radner, N. Moeller, D.T. Potts (eds.), *The Oxford History of the Ancient Near East*. Vol. 5: *The Age of Persia*. Oxford, 649–688.
- Hensley, C. 1977: *The Official Persian Documents in the Book of Ezra*. Ph.D. Diss. Liverpool. [<https://livrepository.liverpool.ac.uk/3174769/1/458920.pdf>].
- Isakova, A.S., Rung, E.V. 2023: «Ya postavil tsarstvo na svoye mesto»: ideya zakonoporyadka v Akhemenidskoj imperii [“I Put the Kingdom in Its Place”: The Idea of Law and Order in the Achaemenid Empire]. *Vostok (Oriens)* 3, 45–59.
- Исакова, А.С., Рунг, Э.В. 2023: «Я поставил царство на свое место»: идея законопорядка в Ахеменидской империи *Восток (Oriens)* 3, 45–59.
- Kajler Yang-ml, T. 2011: Ukreplenie derzhavy i dostizhenie predelov ee rosta pri Darii i Kserkse [Consolidation of the Empire and Its Limits of Growth under Darius and Xerxes]. In: J. Boardman, N.G.L. Hammond, D.M. Lewis, M. Ostwald (eds.), *Kembridzhskaya Istoriya Drevnego Mira*. T. IV: *Persiya, Gretsia i Zapadnoe Sredizemnomor'ye ok. 525–479 gg. do n.e.* [Cambridge Ancient History. Vol. IV. *Persia, Greece and the Western Mediterranean c. 525 to 479 BC*]. Moscow, 72–142.
- Кайлер Янг-мл, Т. 2011: Укрепление державы и достижение пределов ее роста при Дарии и Ксерксе. В кн.: Дж. Бордмэн, Н.-Дж.Л. Хэммонд, Д.-М. Льюис, М. Оствальд (ред.), *Кембриджская История Древнего Мира*. Т. IV: *Персия, Греция и Западное Средиземноморье ок. 525–479 гг. до н.э.* М., 72–142.
- Kleber, K. 2010: dātu ša šarri: Gesetzgebung in Babylonien unter den Achämeniden. *Zeitschrift für Altorientalische und Biblische Rechtsgeschichte / Journal for Ancient Near Eastern and Biblical Law* 16, 49–75.
- Kokina, E.A. 2014: *Pravovye aspekty vladeniya vel'mozheskimi grobnitsami v Egipte epokhi Drevnego tsarstva. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [Legal Aspects of Ownership of Private Tombs in Egypt during the Old Kingdom. PhD Thesis]. Moscow.
- Кокина, Е.А. 2014: *Правовые аспекты владения вельможескими гробницами в Египте эпохи Древнего царства. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук*. М.
- Llewellyn-Jones, L. 2022: *Persians: The Age of the Great Kings*. New York.
- Lurye, I.M. 1960: *Ocherki drevneegipetskogo prava XVI–X vekov do n.e.* [Essays on Ancient Egyptian Law in the 16th–10th Centuries BC]. Leningrad.
- Лурье, И.М. 1960: *Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э.* Л.
- MacGinnis, J. 2008: A Judgment of Darius the King. *Journal of Cuneiform Studies* 60, 87–99.
- Magdalene, F.R. 2011: Judicial and Legal Systems i: Achaemenid Judicial and Legal Systems. In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopaedia Iranica* XV. New York, 174–177.
- Matveev, P.A., Tarasova, S.V. 2013: Istoriya prava persidskoy imperii [History of the Law of the Persian Empire]. *Ekonomika i sotsium [Economy and society]* 4(9), 55–63.
- Матвеев, П.А., Тарасова, С.В. 2013: История права персидской империи. *Экономика и социум* 4(9), 55–63.
- Mitchell, C. 2015: The Testament of Darius (DNa/DNb) and Constructions of Kings and Kingship in 1–2 Chronicles. In J.M. Silverman (ed.), *Political Memory in and after the Persian Empire* (SBL Ancient Near East Monographs 13). Atlanta, 363–380.
- Neresyants, V.S. 2004: *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Moscow.
- Нересянц, В.С. 2004: *История политических и правовых учений*. М.
- Oelsner, J., Wells, B., Wunsch C. 2003: Mesopotamia: Neo-Babylonian Period. In R. Westbrook (ed.), *A History of Ancient Near Eastern Law*. 2 vols. Leiden, 911–974.
- Olmstead, A.T. 1935: Darius as Lawgiver. *American Journal of Semitic Languages and Literatures* 51, 247–249.
- Olmstead, A.T. 1948: *History of Persian Empire* Chicago.

- Pearson, J.D. 1975: *A bibliography of pre-Islamic Persia*. London.
- Perikhanyan, A.G. 1983: *Obshchestvo i pravo Irana v parfyanskiy i sasanidskiy periody* [Society and Law in the Parthian and Sasanian Periods]. Moscow.
- Периханян, А.Г. 1983: *Общество и право Ирана в парфянский и сасанидский периоды*. М.
- Pirngruber, R. 2021: Jurisdiction. In: B. Jacobs, R. Rollinger (eds.), *A Companion to the Achaemenid Persian Empire*. 2 vols. Hoboken, 1087–1096.
- Posener, G. 1936: *La première domination perse en Egypte*. Le Caire.
- Rassolov, M.M. 2010: *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The History of Political and Legal Doctrines]. Moscow.
- Рассолов, М.М. 2010: *История политических и правовых учений*. М.
- Rung, E.V. 2024: Poveleniya Dariya i Kserksa v korpuse tsarskikh nadpisey Akhemenidov [Orders of Darius I and Xerxes in the Corpus of the Achaemenid Royal Inscriptions]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 27–46.
- Рунг, Э.В. 2024: Повеления Дария и Ксеркса в корпусе царских надписей Ахеменидов. *ВДИ* 1, 27–46.
- Schmid, K. 2007: The Persian Imperial Authorization as Historical Problem and as Biblical Construct: A Plea for Differentiations in the Current Debate. In: G.N. Knoppers, B.M. Levinson (eds.), *The Pentateuch as Torah: New Models for Understanding Its Promulgation and Acceptance*. Winona Lake, 22–38.
- Shahbazi, A.S. 2012: The Achaemenid Persian Empire (550–330 BCE). In: T. Daryaei (ed.) *The Oxford Handbook of Iranian History*. Oxford, 120–141.
- Sharpen, D. 2013: *Khammurapi, tsar' Vavilona* [Hammurabi, King of Babylon]. Moscow.
- Шарпен, Д. 2013: *Хаммурапи, царь Вавилона*. М.
- Shavarebi, E. 2019: An Inscription of Darius I from Phanagoria (DFa): Preliminary Report of a Work in Progress. *Arta* 005, 1–16.
- Skjærvø, P.O. 2005: The Achaemenids and the Avesta. In: J. Curtis, S. Stewart (eds.), *The Birth of the Persian Empire*. London–New York, 52–84.
- Struve, V.V. 1952: Datirovka Bekhistunskoy nadpisi [Dating of the Behistun Inscription] *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 26–48.
- Струве, В.В. 1952: Датировка Бехистунской надписи. *ВДИ* 1, 26–48.
- Tuplin, C.J. 2017: The Great King, His God(s) and Intimations of Divinity. The Achaemenid Hinterland of Ruler Cult? *Ancient History Bulletin* 31, 92–111.
- Tuplin, C.J. 2015: The Justice of Darius: Some Reflections on the Achaemenid Empire as a Rule-bound Environment. In: A. Fitzpatrick-McKinley (ed.), *Assessing Biblical and Classical Sources for the Reconstruction of Persian Influence, History and Culture*. Wiesbaden, 73–126.
- Udartsev, S.V. 2007: *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy Vostok: Akademicheskiy kurs* [History of Political and Legal Doctrines. Ancient East: Academic Course]. St. Petersburg.
- Ударцев, С.В. 2007: *История политических и правовых учений. Древний Восток: Академический курс*. СПб.
- Westbrook, R. 2000: Codification and Canonization. In: E. Lévy (ed.), *La codification des lois dans l'antiquité: Actes du Colloque de Strasbourg, 27–29 Novembre 1997* (Travaux du Centre de Recherche sur le Proche-Orient et la Grèce antiques, 16). Paris, 33–47.
- Wieshöfer, J. 2022: Reichsgesetz* oder ‚Einzelfallgerechtigkeit‘? Bemerkungen zu P. Freis These von der achaimenidischen ‚Reichsautorisation. In: R. Rollinger, K. Ruffing (Hrsg.), *Iran – Zentralasien – Mittelmeer. Gesammelte Schriften Teil I: Studien zur Geschichte der Achaimeniden, herausgegeben von Robert Rollinger und Kai Ruffing* (Philippika 159). Wiesbaden.
- Yakobson, V.A. 1981: Vozniknovenie pisanogo prava v Drevney Mesopotamii [Emergence of Written Law in Ancient Mesopotamia]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 9–20.
- Якобсон, В.А. 1981: Возникновение писаного права в Древней Месопотамии. *ВДИ* 4, 9–20.

THE LEGAL SYSTEM OF THE ACHAEMENID EMPIRE IN THE
HISTORIOGRAPHY OF THE 20th–21st CENTURIES

Vasiliy P. Orlov

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: vasilii_orlov_historian@mail.ru

Acknowledgements: Russian Science Foundation, project no. 23-28-01562

The article discusses the main historiographical trends reflecting the course of studying the legal system of the Achaemenid Empire. These are the concept of A.T. Olmsted about the single code of laws introduced by Darius I, as well as P. Frey's concept about the so-called mechanism of Reichsautorisation ("imperial consent"), with the help of which the central government approved local legislative practices and traditions. It also examines the study of the legal system of the Achaemenid Empire in various compendiums and publications of a generalizing and consolidated nature. It is concluded that at present this problem has not found a generalized understanding in science. This is explained by the fact that researchers usually limit their research to individual parts of the empire (primarily Babylonia), without attempting to undertake a comprehensive analysis within the framework of Achaemenid studies already formed in the science of the Ancient Near East.

Keywords: Achaemenids, Achaemenid Empire, Persian Empire, legal system, Achaemenid studies, *dāta*, Reichsautorisation

